

КАРДИОЛОГИЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Дарин Гёц

18+

Дарин Гёц

Кардиология для взрослых

<https://litres.ru/73973554>

SelfPub; 2026

Аннотация

Адель — талантливая студентка последнего курса кардиологии, для которой профессия кардиохирурга — не просто работа, а настоящее призвание. Она красива, умна и невероятно целеустремлённа, а её главная мечта — стать лучшим специалистом в Германии. В её жизни нет места романтике и личным привязанностям: сердце Адель принадлежит только её пациентам и науке.

Но всё меняется, когда на её пути появляется Виктор — блестящий, но высокомерный кардиохирург, чьё имя известно далеко за пределами клиники. Между ними вспыхивает не только профессиональное соперничество, но и притяжение, которого невозможно избежать. Виктор бросает вызов не только её навыкам, но и её убеждениям, заставляя Адель усомниться: можно ли совместить любовь и мечту, не пожертвовав ни тем, ни другим?

Содержание

Пролог.	4
Глава 1. Защита диплома.	6
Глава 2. Танец с врагом.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дарин Гёц

Кардиология для взрослых

Пролог.

Есть судьбы, которые с самого начала пишутся с особым размахом: в них переплетаются страсть к делу, амбиции и неожиданные повороты, способные изменить всё.

История Адель — именно такая.

Молодая, красивая и невероятно целеустремлённая, она стоит на пороге исполнения своей главной мечты — стать одним из лучших кардиохирургов Германии. Последний курс кардиологии для неё — не просто учёба, а финальный рывок к цели, ради которой она готова пожертвовать всем, включая личную жизнь. Любовь в её планы не входит: сердце Адель принадлежит только её пациентам и профессии.

Но жизнь редко считается с нашими планами. Всё меняется в тот момент, когда на её пути появляется Виктор — кардиохирург с репутацией гения и характером, не терпящим возражений. Высокомерный, уверенный в себе и привыкший

к восхищению, он становится для Адель не только наставником и соперником, но и человеком, способным пробудить в ней чувства, о которых она старалась забыть. Их противостояние — это не только борьба амбиций и профессионализма, но и столкновение двух сильных характеров, где грань между уважением и притяжением становится всё тоньше.

Эта книга — о том, как сложно балансировать между карьерой и сердцем, между долгом и желанием. О том, что даже самые железные принципы могут пошатнуться, когда в жизнь врывается настоящая любовь. Вместе с Адель вы пройдёте через испытания операционной, научитесь слышать не только стук сердца на мониторе, но и собственное сердце, которое иногда оказывается самым сложным пациентом.

Пусть эта история напомнит: иногда именно те, кто меньше всего ждут любви, оказываются способны на самые глубокие чувства. А путь к мечте становится по-настоящему ярким лишь тогда, когда рядом есть тот, кто готов разделить с тобой и триумф, и риск.

Глава 1. Защита диплома.

Утро выдалось на редкость ясным для осеннего Гамбурга. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь высокие окна университетской клиники, скользили по идеально белому полу коридора, но Адель их почти не замечала. Всё её внимание было приковано к папке с дипломной работой, которую она сжимала в руках так, будто от этого зависела не только её оценка, но и вся будущая жизнь. Впрочем, для неё так оно и было.

Сегодня был тот самый день. Защита диплома — финальный аккорд шести лет изнурительной учёбы и полугода кропотливой, почти круглосуточной работы над исследованием. Она стояла перед зеркалом в ординаторской, поправляя идеально выглаженный воротник халата. В отражении на неё смотрела красивая молодая девушка с упрямым блеском в ореховых глазах. Никакой косметики, только лёгкий румянец волнения на щеках. Она не могла позволить себе выглядеть легкомысленно. Сегодня ей предстояло доказать, что за красивой внешностью скрывается острый ум и стальные нервы.

Адель сделала глубокий вдох, пытаясь унять бешеное сердцебиение. Это была не просто тревога перед экзаменом. Это был страх провала, липкий и холодный, который нашёптывал, что она может оказаться недостойной своей мечты —

стать лучшим кардиохирургом Германии. Она закрыла глаза, мысленно прогоняя текст выступления. Каждая цифра, каждый график были выучены наизусть. Она была готова ответить на любой вопрос комиссии.

Дверь ординаторской распахнулась, впуская шум больничного коридора и запах свежесваренного кофе.

— Адель? — голос старшей медсестры вырвал её из размышлений. — Тебя ждут в аудитории через десять минут.

Адель кивнула, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Пора.

Она вышла в коридор, и привычный больничный гул показался ей сегодня непривычно громким. Где-то вдали катили тележку с инструментами, переговаривались интерны, пищал чей-то телефон. Для всех остальных это был просто ещё один рабочий день. Для Адель — момент истины.

Её шаги эхом отдавались от кафельных стен, пока она шла к главной аудитории. Дверь была приоткрыта, и из-за неё доносились приглушённые голоса членов комиссии. Сердце билось где-то в горле, мешая дышать. Она уже собиралась постучать, когда услышала его.

— ...а я вам говорю, эта методика — чистейшая авантюра для студента! — голос был низким, властным и до боли знакомым. В нём звучало то самое высокомерие, которое Адель ненавидела и которым невольно восхищалась.

Она замерла, узнав говорящего. Виктор Штайн. Лучший кардиохирург клиники, её куратор и главный оппонент её

дипломной работы. Человек, который не упускал случая напомнить ей, что «красивым глазкам не место в операционной».

— Виктор, ты слишком строг. Работа выполнена на достойном уровне, — это был профессор Шайц, её научный руководитель.

— Достойный уровень? — перебил Штайн с усмешкой. — Достойный уровень — это когда ты можешь зашить разрыв аорты с закрытыми глазами. А здесь... теоретизирование. Красивые графики, но никакой практической ценности для экстренной хирургии.

Адель почувствовала, как краска приливает к щекам. Он даже не видел её работы целиком, но уже вынес приговор. Рука, сжимавшая папку, побелела от напряжения.

В этот момент дверь распахнулась шире, и на пороге появился он сам. Виктор Штайн. Высокий, в идеально сидящем тёмно-синем костюме под распахнутым белым халатом, с холодным взглядом серых глаз, который он тут же впери́л в неё.

— А вот и наша звезда, — произнёс он, и в его голосе не было ни капли тепла. — Опаздываете, фройляйн Шульц? Или решили, что ваша красота сама защитит диплом?

Адель выпрямилась, вздёрнув подбородок. Страх уступил место холодной ярости.

— Я здесь вовремя, господин Штайн. И я готова доказать делом, а не словами, что моя работа имеет практиче-

скую ценность. Прямо сейчас.

Она прошла мимо него в аудиторию так близко, что задела плечом его локоть. В комнате воцарилась тишина. Десятки глаз устремились на неё: любопытные сокурсники, строгие профессора и он — её главный судья и палач.

Виктор закрыл дверь и медленно прошёл к своему месту за длинным столом комиссии. Он не сводил с неё глаз, и в этом взгляде читался уже не просто скепсис, а профессиональный интерес хищника, заметившего достойную добычу.

Адель положила папку на кафедру. Её пальцы больше не дрожали.

— Доброе утро, уважаемая комиссия, — её голос прозвучал на удивление твёрдо и звонко, заполняя собой всё пространство зала. — Тема моей дипломной работы: «Оптимизация протоколов антикоагуляции при сложных операциях на митральном клапане». Я готова представить вам результаты трёхлетнего исследования.

Она нажала кнопку на пульте, и на экране за её спиной вспыхнул первый слайд с графиком выживаемости пациентов. Виктор откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди, его губы тронула едва заметная усмешка.

— Начинайте, фройляйн Шульц. Удивите нас. — прозвучало от Виктора.

Адель встретила его взгляд без тени смущения и начала говорить.

Слова полились легко и уверенно, словно она не репети-

ривала их сотни раз перед зеркалом, а рассказывала историю, прожитую на собственном опыте. Слайды сменяли друг друга: сложные формулы, графики выживаемости, сравнительные таблицы. Адель говорила о рисках, о поиске баланса между кровотечением и тромбозом, о том, как одна ошибка в расчёте дозы гепарина может стоить пациенту жизни. Её голос, поначалу звенящий от напряжения, обрёл глубину и силу, заполняя собой притихшую аудиторию.

Она видела, как меняются лица профессоров. Скепсис сменялся интересом, интерес — сосредоточенным вниманием. Даже её сокурсники, ещё минуту назад перешёптывавшиеся, замерли, ловя каждое слово. Но её главной целью был не зал. Её целью был один человек за столом комиссии.

За время стажировки в кардиологическом центре Виктор стал для Адель настоящей занозой, вечным напоминанием о том, что талант без стальной выдержки ничего не стоит. Он был хирургом от бога, его руки творили чудеса, но его язык резал не хуже скальпеля. Он не упускал возможности уколоть её, отпустить саркастичный комментарий о её «академических успехах» или намекнуть, что место женщины — максимум в приёмном покое, но никак не по ту сторону операционного стола.

Она помнила их первую встречу в ординаторской. Он вошёл, когда она, ещё зелёная студентка, пыталась разобраться в сложной истории болезни. Не поздоровавшись, он бросил через плечо:

— Шульц? Вы здесь для практики или чтобы кофе носить?

С тех пор их общение превратилось в бесконечную дуэль. Он был её тенью, её самым строгим критиком и единственным человеком, чьё мнение действительно имело для неё вес. И сейчас, глядя на его застывшее лицо, она понимала: он не просто слушает её доклад. Он ищет слабое место. Ищет ту самую трещину в её безупречной теории, чтобы одним ударом разрушить всё, к чему она шла эти полгода.

Адель дошла до финального слайда — сводной таблицы с результатами. Цифры говорили сами за себя.

— Таким образом, предложенный алгоритм позволяет не только снизить риск осложнений, но и оптимизировать время подготовки к операции, — её голос прозвенел в абсолютной тишине. Она сделала глубокий вдох и закончила: — Благодарю за внимание. Я готова ответить на ваши вопросы.

Первым руку поднял профессор Шайц.

— Превосходная работа, Адель. Очень смелые выводы и блестящая аналитика. У кого-то ещё есть вопросы?

Виктор не шелохнулся. Он продолжал смотреть на неё, и в его серых глазах больше не было усмешки. В них читался холодный, расчётливый интерес учёного, который только что столкнулся с чем-то по-настоящему неожиданным.

— Герр Штайн? — профессор повернулся к нему. — Вы сегодня на удивление молчаливы. Неужели фройляйн Шульц удалось вас удивить?

По залу пробежал лёгкий смешок. Виктор медленно разжал пальцы и положил руки на стол.

— Удивить? — его голос был низким и ровным, но в нём звенела сталь. — Пожалуй, да. Удивить тем, что кто-то потратил столько времени на теорию, которая не имеет ничего общего с реальностью. Тогда да, удивили...

Адель почувствовала, как внутри всё сжимается. Вот оно. Началось.

— Ваша модель идеальна для симулятора, фройляйн Шульц, — продолжил он, поднимаясь со своего места. Он медленно обошёл стол комиссии и остановился у экрана, спиной к ней. — Но операционная — это не симулятор. Это хаос. Это стресс. Это когда у тебя дрожат руки от усталости, а анестезиолог кричит, что давление падает. В такие моменты у хирурга нет времени на сложные расчёты и пятнадцатиминутные протоколы.

Он развернулся и посмотрел ей прямо в глаза. Боже, какие у него красивые глаза, подумала Адель.

— Скажите мне честно, Адель. Вы когда-нибудь стояли по ту сторону стола? Вы когда-нибудь чувствовали, как под вашими пальцами бьётся живое сердце? Или вы просто играете в красивого доктора с графиками?

"В красивого доктора?" — подумала Адель, и волна гнева смысла секундное замешательство. Она смотрела в его холодные, пронизательные глаза.

Её пальцы крепче сжали край кафедры. «Он пытается вы-

вести меня из равновесия. Не поддавайся».

— Герр Штайн, — её голос прозвучал с обманчивой мягкостью, но в нём звенела закалённая сталь.

Она сделала шаг вперёд, выходя из-за кафедры, и теперь они стояли лицом к лицу, разделённые лишь невидимой линией презрения и профессионального соперничества.

— Вы правы. Операционная — это хаос. Но именно поэтому там нет места самонадеянности и импровизации, основанной на интуиции, которая, как мы все знаем, иногда вас подводит.

По залу пронёсся удивлённый вздох. Никто не смел говорить с «великим Штайном» в таком тоне.

Виктор прищурился, его губы сжались в тонкую линию. Он сделал шаг ей навстречу, сокращая дистанцию до минимума. Адель пришлось поднять голову, чтобы не разорвать зрительный контакт. Она чувствовала аромат его парфюма — дорогой, холодный, с нотками сандала и чего-то металлического.

— Осторожнее, фройляйн Шульц, — его голос был похож на тихое рычание зверя. — Вы играете с огнём. Одно дело — графики, и совсем другое — живой пациент на столе. Ваша теория может стоить кому-то жизни.

Он отстранился так же внезапно, как и приблизился. Его лицо снова стало маской холодного профессионализма.

— У меня больше нет вопросов к докладу фройляйн Шульц, — громко и чётко произнёс он, обращаясь к комис-

сии и демонстративно игнорируя её. — Работа заслуживает высокой оценки! — неожиданно для Адель, выпалил Виктор.

Он вернулся на своё место и сел, закинув ногу на ногу с видом человека, которому смертельно наскучило происходящее.

Адель стояла посреди зала, пытаясь унять дрожь в коленях. Она не знала, что потрясло её больше: его завуалированная угроза или то обжигающее прикосновение его присутствия.

Профессор Шайц прокашлялся.

— Что ж... дискуссия была... весьма познавательной. Кто за то, чтобы присвоить работе Адель Шульц оценку «отлично»?

Взметнулся лес рук. Решение было единогласным. Профессор Шайц улыбнулся, и его улыбка была тёплой и искренней.

— Поздравляю, фройляйн Шульц. Вы блестяще справились. Можете быть свободны.

Адель кивнула, чувствуя, как напряжение, державшее её последние полчаса, наконец отпускает. Она собрала папки, стараясь не смотреть в сторону Виктора, но ощущала его взгляд на себе — тяжёлый, изучающий.

Она вышла из аудитории под аплодисменты однокурсников. Кто-то хлопал её по плечу, кто-то шептал поздравления, но всё это проходило мимо её сознания. В ушах всё ещё стоял его голос: «Осторожнее, фройляйн Шульц. Вы играете с

ОГНЕМ».

Глава 2. Танец с врагом.

Вечерний Гамбург встретил Адель прохладным ветром с Эльбы. Она брела по набережной, сжимая в руках заветный диплом. Она сделала это. Она победила. Но вкус победы был горьковатым, смешанным с адреналином их столкновения.

Квартира, которую они снимали с Элиной, находилась в старом доме недалеко от Шпайхерштадта. Поднимаясь по скрипучей лестнице, Адель чувствовала, как гудят ноги от усталости. Она повернула ключ в замке, и в нос тут же ударил знакомый запах — крепкий кофе и что-то сладкое, ванильное. Элина всегда пекла что-нибудь, когда училась по ночам.

— Я дома! — крикнула Адель, бросая сумку и драгоценную папку на вешалку.

Из кухни высунулась голова Элины. Её тёмные кудри были собраны в небрежный пучок, а на носу красовались очки в тонкой оправе. В руках она держала лопатку, испачканную в тесте.

— Ну наконец-то! Я уже испекла три партии печенья и почти выучила всю неврологию заново. Как всё прошло? Ты жива? — Элина окинула подругу цепким взглядом профессионала. — Выглядишь так, будто пробежала марафон...

Адель устало улыбнулась и прошла на кухню, падая на стул.

— Жива. Даже сдала. На «отлично».

Элина взвизгнула и, бросив лопатку в раковину, кинулась обнимать подругу.

— Я знала! Я так и знала! Ты гений! Ты лучшая! — она отстранилась и внимательно посмотрела на Адель. — Но почему тогда у тебя лицо человека, который только что проиграл войну? Аааа... стой, наверное наш любимый Виктор, устроил тебе разгром?

— Высокомерный индюк,— фыркнула Адель, но с такой ледяной интонацией, что Элина удивлённо приподняла бровь. — Он просто бесится, потому что кто-то может быть умнее его. И что он думают? Что скальпель делает его королем мира?

Элина поставила перед ней чашку с чаем и села напротив, скрестив руки на груди. В её глазах зажёгся знакомый озорной огонёк.

— Ого, — протянула она. — А я смотрю, градус ненависти достиг критической отметки. Это уже не просто «он меня бесит», это уже «он посягнул на мировой порядок».

Адель сделала глоток обжигающего чая, пытаясь согреться изнутри.

— Он не просто бесится, Элина. Он... он смотрел на меня так, будто я — его личная ошибка в расчётах. Будто я не диплом защищала, а пыталась украсть его скальпель прямо из операционной.

Она пересказала сцену у экрана, его насмешливый тон и тот самый вопрос: «Вы когда-нибудь чувствовали, как под

вашиими пальцами бьётся живое сердце?»

Когда она закончила, на кухне повисла тишина. Элина задумчиво крутила в руках печенье.

— Знаешь, — наконец сказала она, — в его словах есть доля правды. Теория и практика — это разные вселенные. Но то, как он это сказал... Он же специально тебя провоцировал. Хотел сбить с толку.

— У него получилось, — призналась Адель. — На секунду я почувствовала себя глупой девчонкой.

— Но ты же не растерялась? — с нажимом спросила подруга.

— Не то чтобы растерялась, — медленно произнесла Адель, глядя в чашку с горячим чаем. — Он сам вовремя успел прервать диалог, иначе бы... я сказала ему всё, что думаю. И про Майера, и про его высокомерие, и про то, что его «интуиция» — это просто страх признать, что медицина не стоит на месте.

Элина присвистнула.

— Это опасная игра, Адель. Виктор Штайн не из тех, кто прощает подобные вещи. Он может быть твоим начальником уже через неделю, смотря конечно куда тебя направят.

— Пусть будет кем угодно, — упрямо вздёрнула подбородок Адель. — Я не собираюсь перед ним пресмыкаться. Если он хочет войны — он её получит. Но на моих условиях.

Элина долго смотрела на подругу, а потом её лицо расплылось в широкой улыбке.

— Вот теперь я узнаю свою Адель! А то я уж испугалась, что этот напыщенный индюк сломал твой боевой дух. Так, — она резко хлопнула в ладоши, меняя тему. — Хватит о нём! Мы сегодня празднуем твою победу, а не обсуждаем его комплексы. Кстати о победе...

Элина вскочила и побежала в свою комнату. Через минуту она вернулась с большой коробкой, перевязанной лентой.

— Это тебе. Небольшой подарок от твоей преданной подруги и соседки по квартире. За то, что ты гений, и за то, что ты всё-таки выжила после общения с нашим общим «другом - Виктором».

Адель с любопытством открыла коробку. Внутри, на тонкой шёлковой бумаге, лежало платье. Чёрное, из струящегося шёлка, с открытой спиной и асимметричным краем.

— Элина... оно великолепно! — выдохнула Адель, проводя рукой по гладкой ткани.

— Именно! — Элина была явно довольна произведённым эффектом. — В нём ты будешь выглядеть как роковая женщина-кардиолог. Или как девушка Бонда, которая в свободное время спасает жизни. Оно просто создано для того, чтобы один напыщенный хирург подавился своим виски со льдом, увидев тебя в нём.

Адель рассмеялась, чувствуя, как настроение стремительно улучшается.

— Он тоже будет в клубе? — недовольно произнесла Адель.

— Именно! Пойдем уже собираться! — весело ответила Элина, подталкивая Адель за спину, чтобы та шла собираться.

Час пролетел незаметно. Элина колдовала над макияжем, подчёркивая дымчатыми тенями ореховый цвет глаз Адель и придавая её взгляду ту самую стальную решимость, которую она чувствовала внутри.

В какой то момент Элина замерла с кисточкой для румян в руке и хитро прищурилась, глядя на отражение подруги в зеркале.

— Он тоже будет в клубе? — передразнила она, театрально закатив глаза. — Адель, ты серьёзно? Ты думаешь, что вечеринка выпускников кардиологического центра — это какое-то тайное собрание, куда можно прийти по приглашению? Это же Гамбург, детка. Здесь все знают всех. А уж такой... заметный человек, как Виктор Штайн, не пропускает ни одного мероприятия, где можно выпить бесплатного виски и посмотреть на молодое поколение.

Она отложила кисточку и, оперев руки в бока, посмотрела на Адель с наигранной строгостью.

— И вообще, почему тебя это так беспокоит? Ты же клялась, что объявляешь ему войну на твоих условиях. Так вот тебе первое условие: ты заходишь в этот клуб с гордо поднятой головой, в этом платье, — она кивнула на чёрную шёлковую красоту, лежащую на кровати, — и выглядишь так, будто его вообще не существует. Пусть он подавится, а не ты.

Адель вздохнула и откинулась на спинку стула, прикрыв глаза. Элина была права. Она не могла позволить ему испортить этот вечер. Этот вечер принадлежал ей. Её победе. Её диплому.

— Ты права, — наконец сказала она, открывая глаза. В них снова появился стальной блеск. — Пусть смотрит. Пусть бесится. Сегодня я королева бала.

— Вот это правильный настрой! — Элина снова взялась за макияж. — А теперь сиди смирно, королева. Нам нужно закончить твой боевой раскрас.

Следующий час пролетел быстрее придыдущего. Элина колдовала над образом Адель, превращая уставшую студентку в уверенную в себе женщину. Когда всё было готово, Адель встала перед большим зеркалом в прихожей и не узнала себя.

Чёрное платье идеально облегло фигуру, глубокий вырез на спине добавлял образу дерзости, а лёгкий макияж и уложенные волосы придавали взгляду ту самую загадочность, которая так бесила Виктора. Она выглядела не просто красиво. Она выглядела опасно.

— Ну? — Элина вышла из своей комнаты в ярко-красном платье, которое идеально подчёркивало её фигуру. — Как тебе работа мастера?

— Ты волшебница, — искренне сказала Адель. — Спасибо тебе. За всё.

— Не за что, — отмахнулась подруга, но её глаза сияли. —

А теперь поехали. Такси ждёт внизу. Нас ждёт шампанское, танцы и возможность показать всем этим снобам-медикам, что мы не только мозги, но и красота.

Клуб «Nordlicht» встретил их волной музыки и света. Громкие басы отдавались в груди, разноцветные прожекторы металась по танцполу, воздух был пропитан запахом дорогого парфюма, алкоголя и предвкушения веселья.

Их заметили сразу же. Со всех сторон посыпались поздравления, объятия, кто-то уже протягивал им бокалы с игристым вином. Адель улыбалась, кивала, принимала поздравления, но её взгляд невольно скользил по залу.

Она искала его.

И нашла почти сразу.

Виктор Штайн стоял у барной стойки, окружённый группой молодых врачей-интернов, которые ловили каждое его слово. Он был одет просто — тёмная рубашка с закатанными до локтей рукавами и классические брюки, — но даже в этой простоте чувствовалась властность и стиль. Он выглядел здесь так же органично и опасно, как тигр в элитном зоопарке.

Он держал в руке стакан с тёмным напитком и о чём-то лениво рассказывал. Его собеседники смеялись. Но в какой-то момент он замолчал. Его взгляд медленно оторвался от стакана и начал движение по залу... пока не остановился на ней.

Адель стояла практически у входа, держа бокал шампанского. Она не отвела взгляд. Наоборот, она слегка приподня-

ла свой бокал в безмолвном тосте — «За твоё поражение».

На его лице не дрогнул ни один мускул. Лишь уголок губ едва заметно приподнялся в ответной усмешке — «Это ещё не конец». И сразу же отвернулся обратно.

Элина дёрнула Адель за руку:

— Эй! Земля вызывает Адель! Ты чего застыла? Он там? Он тебя увидел? Адель моргнула, сбрасывая оцепенение.

— Увидел... И я только что выиграла первый раунд этой вечеринки.

Она залпом допила шампанское и поставила пустой бокал на поднос проходящего официанта.

— Ну что? — её глаза загорелись азартом. — Потанцуем? Я хочу быть в центре зала. У него должен быть лучший обзор.

Не дожидаясь ответа подруги, она направилась прямо к пульсирующему эпицентру музыки и тел. Элина лишь восхищённо присвистнула ей вслед:

— Вот это я понимаю — война!

Адель влилась в толпу танцующих. Музыка подхватила её, унося прочь все тревоги этого дня. Она двигалась легко и свободно, чувствуя на себе сотни взглядов: восхищённых мужских и завистливых женских. Но был среди них один взгляд — холодный и тяжёлый, который она ощущала почти физически.

Она танцевала, позволяя ритму управлять её телом, растворяясь в музыке и свете. Чёрное платье струилось вокруг

её ног, а волосы, уложенные Элиной, рассыпались по обнажённым плечам.

Адель нарочно развернулась спиной к барной стойке, делая вид, что полностью поглощена танцем с подругой. Она смеялась, запрокидывая голову, и этот смех был музыкой для её тайного наблюдателя.

— Вы сегодня удивительно... воинственны, фройляйн Шульц.

Голос прозвучал прямо у её уха, перекрывая грохот музыки. Низкий, с хрипотцой, от которой по позвоночнику пробежала холодная дрожь, но Адель не вздрогнула, лишь медленно обернулась.

Виктор стоял непозволительно близко. Его тёмная рубашка была растёгнута на пару пуговиц, открывая взгляду сильную шею. В руке он всё ещё держал стакан с виски, но его внимание было приковано исключительно к ней. В серых глазах больше не было ледяного спокойствия — там плясали опасные искры.

— Герр Штайн, — она улыбнулась, и эта улыбка была острее скальпеля. — Решили сменить тактику? С публичной казни на светскую беседу? Или прилюдная экзигуция еще не окончена? — подмигнула ему Адель.

Он усмехнулся, наклоняясь ещё ближе, чтобы она слышала его сквозь шум.

— Я просто пришёл поздравить победителя. Вы были великолепны сегодня.

— Я лишь привела факты, — её голос был сладким, как яд. — Вы же цените факты, не так ли?

— Я ценю смелость, — его взгляд скользнул по её лицу, задержался на губах. — Но я не люблю проигрывать.

— Тогда вам не повезло, — парировала она. — Потому что сегодня вы проиграли по всем статьям.

Он тихо рассмеялся, и этот звук вибрацией отозвался в её груди.

— Вы так уверены? Возможно... я просто позволил вам выиграть первый раунд.

— Позволили? — её бровь изогнулась в насмешливом удивлении. — Вы были загнаны в угол. Я видела это в ваших глазах.

Он сделал шаг вперёд, вторгаясь в её личное пространство. Теперь между ними почти не осталось воздуха. Между ними повисло такое напряжение, сравнимое лишь с затишьем перед самой грозой — когда воздух становится густым и наэлектризованным.

— В моих глазах вы видели не загнанного зверя, Адель. Вы видели интерес. Профессиональный... и не только.

Она почувствовала, как щёки заливают румянец, но гордо вздёрнула подбородок.

— Вы играете в опасную игру, Виктор.

— Я хирург. Опасность — моя специальность.

Музыка сменилась. Грохочущий бит уступил место медленной, тягучей мелодии саксофона. Толпа вокруг них нача-

ла перестраиваться в пары.

Виктор поставил стакан на ближайший столик, даже не взглянув на него. Его рука легла ей на талию — уверенно, по-хозяйски, обжигая даже сквозь шёлк платья. Вторая рука накрыла её пальцы, лежащие на его плече.

— Вы танцуете со мной, — это не было вопросом. Это был констатация факта, произнесённая низким, бархатным голосом, который она слышала даже сквозь грохот музыки.

Адель не отстранилась. Она позволила ему притянуть себя ближе, так близко, что она чувствовала жар его тела и аромат его парфюма — терпкий, холодный, с нотками сандала и чего-то металлического, похожего на запах крови в стерильной операционной.

— Только один танец, герр Штайн, — прошептала она, глядя ему прямо в глаза. В её взгляде не было страха, только вызов.

Он повёл её в танце плавно и властно, словно они делали это тысячу раз.

— Вы сегодня надели это платье специально для меня? — его губы были так близко к её уху, что она чувствовала вибрацию его голоса и невероятный жар на шее.

— Конечно нет, — солгала она, не отводя взгляда. — Я надела его для комиссии. Чтобы они не сомневались в моих когнитивных способностях после того, как увидели мой интеллект.

Тихий смешок сорвался с его губ.

— Вы невыносимы.

— А вы... высокомерны.

— Но вы всё равно танцуете со мной.

Она промолчала, потому что он был прав. Музыка замедлилась, становясь тягучей и обволакивающей. Виктор сократил дистанцию до минимума. Теперь их тела почти соприкасались при каждом движении. Адель чувствовала, как бешено колотится её сердце, и молилась, чтобы он этого не заметил.

— Завтра у меня будет сложная операция на аорте в восемь утра. Мне нужен ассистент. Надёжный ассистент.

Адель замерла на секунду, её пальцы невольно сжали ткань его рубашки:

— Вы предлагаете мне работу?

Он наклонился ещё ниже, его дыхание обожгло ей шею:

— Я предлагаю вам шанс доказать свою теорию делом, а не словами. Прямо сейчас... только уже не перед комиссией, а на живом столе.

Сердце Адель пропустило удар. Это было именно то, чего она хотела больше всего на свете. Но цена... цена была слишком высока.

— Это взятка? Или ловушка? — спросила она тихо.

Он отстранился ровно настолько, чтобы посмотреть ей в глаза. В серой глубине плескалась тьма и азарт хищника.

— Это вызов. Принимаете?

Музыка стихла, но они продолжали стоять посреди танц-

пола, замерев в объятиях друг друга под удивлёнными взглядами окружающих. Весь мир для Адель сузился до его глаз и этого невыносимого выбора.

Она медленно кивнула:

— Принимаю.

Уголок его губ дрогнул в хищной улыбке победителя.

— Я буду ждать вас в ординаторской без пяти восемь. Не опаздывайте, фройляйн Шульц. Если покажите себя, я буду рекомендовать вас к себе в отделение.

Он отпустил её так же внезапно, как и привлёк к себе. Развернулся и растворился в толпе, оставив Адель одну посреди танцпола. Она стояла неподвижно, чувствуя, как по спине бежит холодок предвкушения и страха.

К ней тут же подбежала Элина, глаза которой горели любопытством:

— О боже! Что он тебе сказал? Вы танцевали! Вы выглядели так... так...

— Как враги на тайных переговорах? — усмехнулась Адель, приходя в себя.

— Скорее как хищник и его жертва, которая почему-то улыбается! Что он сказал?

Адель взяла подругу под руку и повела к бару. Ей срочно нужно было выпить.

— Он предложил мне работу. Ассистентом на завтрашней операции. И... он сказал, что если я покажу себя, он будет рекомендовать меня в своё отделение.

Элина на секунду потеряла дар речи, а затем взвизгнула так громко, что на них обернулось несколько человек.

— Ты шутишь?! Это же... это же золотой билет! Лучшее отделение! Лучший хирург! Ты идёшь?

Адель медленно кивнула, всё ещё глядя в ту сторону, где исчез Виктор.

— Я не просто иду. Я должна быть там лучшей. Иначе всё было зря.

Оставшаяся часть вечера прошла для Адель как в тумане. Она улыбалась, пила шампанское, даже танцевала с другими, но мыслями была уже не здесь.

Домой они вернулись почти под утро. Элина рухнула на диван и мгновенно уснула, а Адель долго стояла у окна своей комнаты, глядя на спящий Гамбург.

Сон не шёл. В восемь утра ей предстояло не просто начать карьеру. Ей предстояло доказать ему — и самой себе — что она достойна места по ту сторону стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.